

— Неожиданно подал о себе весточку из Ленинграда Димуля Ивлиев, переписка с которым у нас давно уже заглохла, хотя открытки ко дням рождения и к Новому году мы друг другу ещё посылали. От как-то заскочившей в Ладушкин Таньки Рассказчиковой, которая была в командировке в Балтийске, я слышал, что Димуля увлёкся филологией (древнегреческим и латынью) настолько, что вознамерился якобы закончить экстерном филфак, на кафедре же им, естественно, недовольны, так как свою аспирантскую работу у Пудовкина он совершенно забросил. Всё это подтверждается и в Димином письме, более обычного желчном в отношении кафедры. Но в это самое время в его жизни происходили и гораздо более серьёзные изменения, о которых он напишет лишь года два спустя.

Ленинград, 5.1.74.

Дорогие Сашули!

— Наконец впервые Бог знает за какой долгий срок (года два, наверное) взялся за письмо к вам.

— Прежде всего - большое спасибо за поздравления и за прежние письма. Я рад, что вы все здоровы. Трудно писать так всё сразу о себе, гораздо интересней было бы поболтать непосредственно. Не предвидится ли, кстати, у кого-нибудь из вас командировка в Ленинград? Мне-то в Ладушкин выбраться очень трудно, а увидеться очень хочется.

— Итак, немного о себе. Я, слава Богу, здоров, во всяком случае сейчас и настолько, насколько это позволяет здешний гнилой воздух. А именно года два назад я сильно болел, так что, казалось, уж на тот свет отправляюсь. Не знаю, результатом чего были такие напасти, но в функциональное расстройство пришёл весь организм, а особенно досаждали почки. С отчаяния я решил последовать советам знакомых, практикующих йогу, и, не углубляясь в тонкости и смысл этой прекрасной системы, просто решил несколько дней поголодать и таким образом очистить тело и душу от лишних ядов. Результат был мгновенный; с тех пор меня болезни не донимают.

— То, что со мной произошло, привило мне глубокое уважение к индуизму, я стал мало-помалу интересоваться этой религиозной системой и до сих пор мечтаю всерьёз заняться йогой, хотя в условиях города и без гуру (наставника) это почти невозможно. Это - о здоровье.

— Поездки. Почти безвыездно в Ленинграде. Правда, побывал за это время и на Камчатке, недалеко от Петропавловска. Экзотика не слишком яркая, однако впечатляющая. Но, увы, и там люди, и притом такие же. Туда я попал случайно, просто у нас на кафедре не хватало народу для обслуживания там наших фотометров. Фотометры меня не очень стесняли, и, со свойственной мне привычкой к антиобщественному поведению, я просто бродил по лесу, купался в горячих источниках, читал китайцев и даже переводил Лао Цзы с древнекитайского (как теперь говорят - кайфовое занятие).

— Теперь работа и учёба. После некоторых успехов в деле изучения авроральной водородной эмиссии мои вклады в развитие отечественной геофизики иссякли, чему в немалой степени способствовали моя лень, непреодолимое отвращение к ЭВМ (мне очень много пришлось работать с машинами), отвратительнейшая, непереносимая обстановка на кафедре и, в основном, в нашей лаборатории, и, наконец, некоторые события личного свойства, которые отвлекали меня от всяких серьёзных дел.

— Как-то параллельно с моим предательством по отношению к полярным сияниям меня всё больше стало втягивать то, чем я уже некоторое время занимался для собственного удовольствия на филфаке, а именно классическая филология. Делая некоторые успехи в изучении античных языков, литературы, мифологии и т.д., я, не видя никаких путей к практической приложимости получаемых знаний, продолжал всё более интенсивно

заниматься всей этой ерундой и до сих пор занимаюсь ею. На кафедре об этом как-то пронюхали, и можете себе представить реакцию. Еще моё счастье, что междуусобная грызня не оставляла им ни времени, ни сил душевных, чтобы приняться за моё перевоспитание, но всё же колесу сплетен был дан зелёный путь, заработала мрачная фантазия, отголоски которой дошли и до далёкого Ладушкина.

—А между тем надо было как-то определяться. Около года назад я стал себе спешно подыскивать работу, нашёл вроде бы неплохое место (на кафедре-то нечего и думать о работе, даже не потому, что для меня там не найдётся ставка, а потому что работать там просто невозможно стало), подал заявление об уходе из аспирантуры, но меня не отпустили по той причине, что я срываю им план по распределению. Что ж, от распределения всегда можно увильнуть, пока же мне давали стипендию, и я был не внакладе. Наконец, недавно состоялось это самое распределение, и, я не знаю за какие такие заслуги, но меня оставили в покое и дали свободное распределение (я при этом не присутствовал). Так что в настоящее время я человек свободный, ищущий работу.

—Что-то мне наскучило писать о себе. Но вот, собственно, приблизительно та канва, в которой протекала в последнее время моя жизнь, заключающаяся, конечно, как и у каждого, отнюдь не в посещениях таких-то кафедр и таких-то лекций. Но об остальном понемногу в другой раз.

—Я не хочу быть больше таким отвратительным и не писать вам подолгу. С нетерпением жду и ваших писем. Пусть даже о каких-нибудь частностях.

—Целую обоих, ваш Дима.

—Уже заклеил письмо, но вспомнил, что хотел написать ещё следующее. Здесь в декабре появились книги, которые оказалось немислимым достать. 1. М. Булгаков. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. (Без купюр, как говорят.) Х.Л., М.1973. 2. О. Мандельштам. Стихи. (Б-ка поэта, большая серия). Сов. пис., Л.1973. 3. Марсель Пруст. В сторону Свана (1 том романа "В поисках утраченного времени) из серии "Зарубежн. роман XX в.", Х.Л., М.1973.

—Саня, постарайся не пропустить сам, а если удастся, то достань и мне, особенно последнее, т.к. Булгаков всё же у меня есть, а Мандельштам - кое-что самиздатовское.

В январе гуляли на свадьбе Суроткина, который женился на Лиде Фурник. Обоим за тридцать, Лида - вдова. От Суроткина такой лихости никто не ожидал. В конце гулянки я, вскрывая ножом грецкий орех, пропорол себе ладонь и залил кровью ковёр. Руку мне перевязали, молодые пошли провожать гостей, я брёл рядом с Суроткиным и читал ему мораль, осуждая его замкнутость, невмешательство в любые конфликты, неучастие в спорах и выпивках. Суроткин честно сознавался, что оберегает свою нервную систему, потому и не хочет ни во что ввязываться, а пить не любит, так как в студенчестве не раз нажигался на этом, не разъясняя, впрочем, что там с ним случалось. Вообще же Суроткин мне нравился.

Лёнька Захаров с Леночкой Блик тоже поженились, для чего Лёньке пришлось развестись с первой женой, толстой Людой, преподавательницей музучилища, оставив ее с сыном Алёшкой, лет шести. Сына Лёнька регулярно навещал, непременно бывал на его днях рождения, и, когда Люда во второй раз вышла замуж, по-приятельски распивал водку и играл в шахматы с её новым мужем. А Леночка вскоре родила ему дочь Иришку, Лёньку же она держала в ежовых рукавицах...

Регистрация брака Суроткиных. Мы с Сашенькой и Костя Латышев - свидетели

Лёня и Лена

В феврале мы с Костей отправились в вояж с докладами в Москву, на секцию Учёного совета ИЗМИРАН, и в Мурманск, в ПГИ, куда нас пригласил выступить на семинаре Мизун. Он устроил нас поначалу у себя на квартире, где бушевали его младшие сыновья-близнецы детсадовского возраста (старший сын - школьник, классе в пятом уже), был очень радушен.

В Мурманском отделении ПГИ я был в первый раз, а вообще в Мурманске - второй, после вывоза беременной Сашули в 1965 году. Одноэтажные домишки, в которых разместилась ионосферная лаборатория Мизуна, прилепились где-то на вершине одной из местных то ли сопков, то ли гор, куда надо было карабкаться по обледенелым ступеням среди сугробов и дряхлых чёрных деревянных бараков довоенных времён, в которых по-прежнему жили люди.

На семинар приехал из Апатит Борис Евгеньевич, которого мы наметили в оппоненты для будущей защиты Костиной диссертации, в дни семинаров он читал лекции для молодых сотрудников ПГИ из Лопарской и Мурманска. Б.Е., задробивший в своё время нашу первую попытку опубликоваться в "Геомagnetизме и аэрономии" по части моделирования ионосферы (статья по постановке задачи), теперь был настроен в

отношении нашей деятельности весьма положительно и оптимистично, результаты ему нравились, и он охотно согласился быть оппонентом у Кости.

—А вот ни Слава Ляцкий, ни Юра Мальцев на семинар не приехали, через Б.Е. они передали, что ждут меня в Апатитах и готовы выслушать на своём семинаре, и вообще просто рады будут видеть, и раз уж я до Мурманска добрался, то недалеко и до Апатит теперь, но Апатиты не входили в наши с Костей планы, это означало бы ещё на пару дней, как минимум, застрять в командировке, и мы туда не поехали. *(Впрочем, позднее появилась карандашная приписка, что именно в тот раз я сильно подвернул ногу в Апатитах, после чего передвигался, опираясь на Костю, и с моей подвёрнутой ногой мы с Костей были в гостях у Мингалёвых).*

—На семинаре лаборатории Мизуна мы выступили вполне браво. После семинара публика не расходилась, попросили и нас подождать. В конференц-зале расставили столы, накрыли их скатертями и уставили чайной посудой. Оказалось, что день был - 23 февраля, "мужской праздник", так сказать, мы про это как-то и забыли, а в заварных чайниках оказался коньяк. "Чаепитие" завершилось пением под гитару, солировал один парень, очень похожий на Сашку Шаброва - высокий, с залысинами, добродушное лицо, его баритон нас совершенно очаровал. Пел он новую тогда песню из кинофильма "Земля Санникова":

_____Призрачно всё в этом мире бушующем.

_____Есть только миг - за него и держись.

_____Есть только миг между прошлым и будущим,

_____Именно он называется жизнь...

—А потом нас потащили в гости к Власкову и поили там, и мы были в восторге от здешнего гостеприимства. Правда, полярного сияния Косте не довелось увидеть - отложили до следующего раза.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)